
Юрий Юрьевич
Карнаух

Золотых дел мастер

Когда сын Ярослава Мудрого Святослав показал иностранным послам свои несметные золотые сокровища, те были поражены: «Се ничтоже есть, се бо лежит мертво».

В 1960 году к руководству Финансового института приехала начальница отдела кадров Внешторгбанка СССР для набора в банк молодых специалистов. Надо сказать, что сделать это было нелегко. Незадолго до этого от нашего кредитного отделился «совнархозный» факультет, созданный в угоду хрущевской экономической реформы. На новый факультет перетекло много ребят студентов (в том числе мои лучшие целинные друзья Олег Лавров и Виктор Сычев, а также товарищ Толя Барковский, сын зампреда Госбанка СССР, сосед по квартире). Во Внешторгбанк же набирали только кредитников. А их осталось две группы, причем на одного парня выпадало десяток девчонок. Почти такое же соотношение было и в банке.

С трудом набранную группу (четыре выпускника и три выпускницы) успевших получить распределение отправили в ВТБ. В этой команде были, в частности, я и Виктор Геращенко.

Кстати, я учился в одной группе с женой Геращенко — Ниной Дроздовой, а Виктора знаю с трех лет — мы жили на Новослободской улице, в доме 73, на пятом достроенном Госбанком этаже, на одной лестничной площадке. На ней было две квартиры. В одной жила семья зампреда Банка В. С. Геращенко с пятью детьми, а вторая была коммунальная на три семьи — и в ней комната, выданная моему отцу, начальнику отдела Госбанка. Он в 1941 году, имея бронь, добровольцем пошел защищать Москву и 13 ноября во время самых тяжелых боев погиб. Мама моя работала в Госбанке операционисткой.

Когда я пришел во Внешторгбанк, он только начинал кардинально перестраиваться. В Госбанке начальником управления иностранных операций был чудесный человек и специалист Мефодий Наумович Свешников на него и лег основной груз — создания из управления Госбанка Внешторгбанка, такого, который мы знали в 60–80-е годы.

Какое-то время и мы принимали участие в создании Внешторгбанка, работая в разных подразделениях управления иностранных операций Госбанка. Однако основное время, почти полтора года, мне пришлось колупаться с «ракордами», то есть занимался самой технической работой — выверением счетов! В другом техническом отделе работал Геращенко,

отец которого тогда был в опале. Немного позднее на работу был принят Томас Иванович Алибегов, ставший замечательным дилером, да еще с блестящим английским языком. Его мама была англичанкой.

Позже Свешников создал мозговой отдел Внешторгбанка — валютно-финансовое управление, я туда и был переведен экспертом. Причем все

Ю. Ю. Карнаух

1960–1961

Эксперт управления иностранных операций Госбанка СССР

1961–1969

Эксперт, начальник отдела валютного плана, заместитель начальника валютно-финансового управления Внешторгбанка СССР

1969–1974

Директор валютного управления «Восход Хандельсбанка» (Wozkhod Handelsbank)

1974–1976

Заместитель начальника валютно-экономического управления Госбанка СССР

1976–1984

Президент «Восход Хандельсбанка» (Wozkhod Handelsbank)

1984–1987

Главный эксперт Правления Внешторгбанка СССР

это происходило без смены расположения — мы продолжали работать на Неглинке. По иронии судьбы посадили меня рядом с кабинетом отца, работавшего когда-то в управлении иностранных операций Госбанка (потом в этот кабинет сел начальник управления Юрий Александрович Иванов). Поручена мне была вся валютная касса Советского Союза — пять валютных планов: Минфина, Минвнешторга, Госбанка, ГКЭС и «Аэрофлота» или Минморфлота. К тому же каждую пятницу на заседание Комиссии по внешнеэкономическим вопросам у А. Н. Косыгина, так называемые «КВВ», необходимо было готовить для Свешникова по 10–20 справок. Главным и единственным поощрением после совещаний было отеческое похлопывание по плечу. При этом Мефодий Наумович приговаривал: «Ну, отличные предложения!» Это значит, что мы сформулировали что-то удачное. А секретарь Свешникова Таратута в этих случаях говорил мне, что председатель остался доволен подготовленными документами. Благодаря этой работе у меня также установились хорошие отношения с коллегами из Совмина.

Так что работы было довольно, однако это не мешало нам балагурить, устраивать в банке капустники. Я был и режиссером, и одним из авторов. Над этим нам приходилось трудиться уже после 10 часов вечера. Но и этого было мало, моей комсомольской нагрузкой был выпуск стенгазеты, в которую я писал стихи и рисовал дружеские шаржи. Уже будучи начальником отдела валютного плана, я не был за рубежом даже на практике. Меня Мефодий Наумович держал в банке. Удалось мне, правда, на короткое время съездить в Чили в 1968 году и сразу после этого в Сингапур. Это были любопытные командировки. Страна Чили тогда резко полевела. На подходе был Сальвадор Альенде. Но в то время, кроме небольшой посольской команды, в стране находился только один торгпред. Перед поездкой выяснилось, что в утверждаемых Минфином суточных были крохи, а в стране была сильная инфляция. Так что денег мы получили очень мало, а ехали на переговоры о предоставлении Чили кредитов СССР. Вылетал я с представителем Минвнешторга Володей Комаровым. Экономили на всем: на еде, которую сами го-

товили, на транспорте, благо жили в центре города. С этим связана забавная история. Однажды идем по пустой широкой улице домой, горят фонари, мы с Володей оживленно что-то обсуждаем. Естественно, по-русски. Навстречу идет другая пара мужиков, тоже громко говоря, но по-английски. Следующая мизансцена: пройдя мимо, все остановились и инстинктивно оглянулись. Услышав русскую речь и американский говор. Мы были в стране по-честному с кредитами, а эти наверняка уже готовили приход Пиночета! Подобная встреча в Сантьяго была чрезвычайно необычна.

Кредитный договор с чилийцами нами был подписан. Он предусматривал кредит Внешторгбанка и совзагранбанков (без их уточнения). Через несколько лет уже в Цюрихе на мой стол легло подтверждение о зачислении части денег кредита на счет «Восход Хандельсбанка». До этого тогдашний Председатель банка не говорил мне об участии в кредитовании Чили. После ознакомления с документами я понял, что оплата господина Пиночета была точной и пунктуальной.

Сингапур также в те годы был для нас экзотической страной — посольства СССР там не было, но торгпредство было — из трех человек. Во главе стоял Примеров, позже он возглавил Таможенный комитет СССР. Прямых рейсов, естественно, тоже не было, я летел через Джакарту. Дали мне рутинную задачу — установление корреспондентских отношений с одним из местных банков. Причем подразумевалось, что самая большая статья нашей торговли — покупка каучука, будет происходить по-прежнему по каналам Минвнешторга, через совзагранбанки, минуя Внешторгбанк. Такие альтернативы тогда практиковались — начальником валютного управления министерства (и замминистром) Владимиром Сергеевичем Алхимовым, будущим председателем Госбанка СССР. А. Н. Косыгин, зная о его больших возможностях, периодически давал Алхимову задания что-либо приобрести для страны и указывал, что деньги он должен найти сам. Алексей Николаевич был уверен в наличии «зачаек» министра в совзагранбанках.

Текст подготовленного мне договора предполагал, что Сингапур — страна с неконвертируемой валютой, на месте же оказалось, что они рассчитываются в свободно конвертируемой валюте.

Огромные обороты шли по закупке СССР каучука, поступавшего из Малайзии. А кроме того по три-четыре миллиона долларов в нашу пользу ежегодно оставалось в Сингапуре. Он в большом количестве покупал тогда у Советского Союза натуральные ткани. Переговоры со мной было поручено вести одному из коммерческих банков — «Чунг Хиао Банку». С моим вариантом договора коллеги сразу согласились, но подписанию помешали кураторы из Минфина. Они выступили против пункта о праве Внешторгбанка СССР переводить остатки средств на свои счета. Без визы министерства договор не мог быть подписан. Несколько дней длились безуспешные переговоры. После этого я телеграфировал Свешникову, что из-за нерешенных вопросов вынужден их перенести на более

поздний срок. Мефодий Наумович со мной согласился. Однако у трапа самолета меня остановили — на договоре стояли все визы — и он был тут же подписан! Самое интересное, что про него после моего возвращения забыли и только через три или четыре года кто-то, просматривая договор, обнаружил тот злополучный пункт и запросил перевести Внешторг-банку деньги. Наш банк получил 28 миллионов долларов.

История походов желтого металла

Небольшое отступление, необходимое для дальнейшей истории.

После «Великой депрессии» (американского кризиса 1929–1933 годов), в США была объявлена государственная монополия на все операции с золотом — гражданам и частным предприятиям было запрещено его приобретать и иметь.

Более того, была установлена фиксированная цена на этот металл — 35 долларов за тройскую унцию. Она продержалась 40 лет. Хотя появилась несколько странно. Дело в том, что первый доклад своего министра экономики президент Рузвельт выслушивал еще лежа в постели, тогда же в его голову, очевидно, приходили наиболее ценные идеи. Тогда он и установил цену золота для всего мира.

В 1944 году делегации 44 стран собрались в американском городке Бреттон-Вудсе на Международную финансовую конференцию. И там, под диктовку США, приняли Положение о Международном валютном фонде и создали новую мировую валютную систему. Она как раз и опиралась на придуманный Рузвельтом золотой стандарт. Доллар стал резервной валютой. Было провозглашено, что национальная валюта США нисколько не хуже золота. В знаменитом Форт Ноксе к 1949 году хранилось 21,8 тысячи тонн золота, принадлежавших США. Там также предпочитали держать свое золото центральные банки ряда других европейских стран. Это еще 9,3 тысячи тонн. Сюда его свозили во время войны для безопасности. Это составляло примерно 75% всего мирового золота. Торговля золотом проводилась только на межгосударственном уровне, по установленной США цене, только на доллары. С тех пор если каким-то коммерческим структурам как-то и удавалось оперировать золотом, то только подпольно. Например, так, как в Индии: золото в кожаных мешках привязывалось к бакену, в одном из заливов, покупатели в назначенное время приплывали и, забрав товар, привязывали мешок с долларами.

Американцы искусственно держали курс, и всякий раз, когда цена на золото начинала подниматься вверх, загружали бомбардировщик Б-29 золотом и отправляли его в Лондон, в Центральный банк Англии, через который и проводили интервенцию.

Многие восстановившиеся после войны страны данная система раздражала. И от Дубая и до Индии потянулся контрабандный след. В нем участвовали и арабские шейхи, самозабвенно любящие золото, и обладающие одной из лучших ювелирных промышленности итальянцы. Все

они нелегально решали свои проблемы. Появилось много черных и полуправильных рынков золота. Например, в Индии, где невеста, не увешанная золотыми украшениями, — позор рода.

Система постепенно расшатывалась, «подкопы» под золотой стандарт стали происходить все чаще. Так, в 1965 году Шарль де Голль предъявил большое количество долларов, накопленных Центральным банком Франции, и принципиально потребовал обменять их на золото, что правительство США ранее обязалось делать неукоснительно. Себе французы оставили долларовые запасы только на уровне «рабочих остатков». Все это не укрепляло доллар. В результате в конце 60-х годов у американцев осталось лишь 8,6 тысячи тонн. Тогда и пришлось частично отказаться от стандарта и обязательного обмена доллара на желтый металл. В 1968 г. рынок золота был разделен. Государственным валютным органам разрешалось торговать между собой только по прежней, официальной цене золота — 35 долларов за унцию, тогда как купля-продажа на свободных рынках была запрещена, кроме реализации новой добычи золотопроизводящими странами. Частные же рынки уже могли работать, но только частновладельческой клиентурой, и цены на них могли колебаться как угодно. Это был раскол рынка на две не сообщающиеся между собой сферы. Образовался «двухъярусный рынок».

СССР мог работать как производитель и на частном рынке, так как не ратифицировал Бреттон-Вудское соглашение и вступление в МВФ. Однако занимался только единичными продажами золота, и то лишь со времен правления Хрущева. Сталин предпочитал наращивать золотой запас (хотя по договорам с немцами, говорят, частично платил и золотом). Если верить западным источникам, то за 12 лет после смерти Сталина нами было продано через Моснарбанк около 3000 тонн золота. Причем большая часть (1244 т.) была продана в 1963–1964 годы.

Больше всего золота добывали в ЮАР — около 750 тонн в год, мы производили 200–300 тонн, и цифра эта была засекречена. Реально ее знали 3–4 человека. ЦРУшники принижали ее в своих целях — обычно до 120 тонн. Англичане следили за нашей добычей с помощью спутников. В частности, они постоянно вели съемки, разработок огромного месторождения в Узбекистане — Гора Мурунтау. Также они анализировали публикации в районных газетах, узнавая размеры плана на золотодобывающих приисках. Представляя размеры планов, несложно было вычислить реально добытый объем. Их цифра как раз и находилась между 200 и 300 тоннами.

Как и наши зарубежные коллеги, мы торговали стандартными слитками по 12,5 килограмм.

Как наступил «Восход»

В 1969 году М. Н. Свешников стал председателем Госбанка СССР. И сразу после этого он вызвал меня и сказал: «Ну ладно, мы на тебе поехали, теперь отправим на отдых!» Отдыхом был назван образованный

в 1966 году «Восход Хандельсбанк» (Wozkhod Handelsbank). Так в декабре 1969 года я отбыл в Цюрих.

Наш швейцарский банк с момента образования возглавлял Альберт Николаевич Беличенко. У него была распространенная русская болезнь. Ему трудно было пройти мимо представительского холодильника, наполненного напитками, предназначенными для переговоров и встреч. Я входил в работу директора по валютным операциям и совершенствовался в немецком языке, которого до этого практически не знал. Кстати, местный диалект «швицер дюч» слабо похож на классический немецкий. Не существует и его письменного варианта. Большинство немцев из Германии «дюч» не понимают и считают, что это не язык, а болезнь горла. На нем швейцарцы разговаривают только в быту, некоторые сотрудники разговаривали на нем между собой и в банке.

Года через два, когда я полностью вошел в дело, из Москвы приехал зампред Внешторгбанка Трусевич с важной миссией — А. Н. Косыгин поручил взять кредит у иностранных банков под залог 80 тонн золота. Беличенко и Трусевич начали обходить коллег, расположенных в Швейцарии.

Следует сказать, и после реформы частичного освобождения рынка в 1968 году цену золота старались отпускать потихоньку. В Лондоне пять специализированных фирм (Ротшильд, Макатто, Шарп Пиксли, Самуэль Монтегю, Джонсон Месью) по-прежнему два раза в день в комнате Ротшильда устраивали фиксинг, соединяя продажу и покупку золота в единую цену. Когда компания достигала баланса, то, зафиксировав цену, ее представитель поднимал свой британский флажок «Юнион Джек», до этого лежащий на столе.

Интересная история, демонстрирующая принципы работы нашего сообщества, произошла у меня с нью-йоркским (главным) отделением Макатты. Однажды я продал им некоторое количество золота. Расплачиваться с продавцом следовало незамедлительно. По правилам, после двух дней задержки покупателем оплаты сделки об этом сообщалось всем другим участникам рынка. Я сделал рассылку только через неделю. Перед Макаттой швейцарские коллеги немедленно опустили занавес. Компания надолго потеряла доверие партнеров. Получив этот опыт, мы в основном работали с Ротшильдом и Монтегю.

В 1968 году швейцарские банкиры использовали закрытие на время золотого рынка в Лондоне и создали мощный конкурирующий центр мировой торговли золотом. «Золотой пул» объединял три основных гросс-банка, каждый из которых предоставил по 50 тонн металла в основной запас и по 15 тонн в оперативный резерв. Это были: Swiss Bank Corporation, Credit Suisse (Швейцариише кредитанштальт) и United Bank of Switzerland (Швейцариише банкгельшафт). В отличие от Лондона «цюрихский пул» торговал за свой риск и свой счет. В банках открывались «золотые счета». Они также котировали серебро, платину и палладий.

Активно работала на рынке ЮАР, традиционно продававшая золото Лондону. По каким-то внутренним причинам им пришлось извлечь золото из резервов, и в начале 70-х годов они удвоили предложение металла. Лондон отказался его приобрести, и свои услуги юаровцам предложили швейцарцы. Они только начинали заниматься этими операциями. Именно тогда появились со своими 80 тоннами золота и мы.

Швейцарцам были нужны долгосрочные клиенты. Поэтому, отказав нам в кредите, они предложили золото купить. Мои соотечественники согласовали с Москвой и получили разрешение на продажу — видимо, деньги были нужны чрезвычайно.

Мне же поручили ходить в United Bank of Switzerland (UBS), представляющий весь пул, и уведомлять покупателей о прибытии каждой партии золота по 7 тонн. Причем делать это я должен не по телефону, а лично глаза в глаза.

Цена на золото быстро поднималась и вскоре подошла к 40 долларам за унцию, швейцарцы спокойно откупили весь наш металл, дождались еще более благоприятной цены, чтобы выгодно перепродать его. Мои коллеги не сказали мне, за сколько они сторговались со швейцарцами, но было ясно, что в тех условиях они вряд ли получили намного больше 35 долларов. За державу было обидно, так как я понимал, насколько такая форма продаж невыгодна.

Как я уже говорил, объемы продаваемого Советским Союзом золота, как и размер золотовалютных резервов, были тайной за семью печатями для советских граждан, но не для таможенной статистики Швейцарии.

В тот момент попросил меня о встрече руководитель золотого подразделения Банкферайн — Фреди Шнайдер, ставший потом моим другом. Встреча состоялась в фешенебельном ресторане «Сан готард» на центральной «вокзальной» улице «Банхоф штрассе» (по обе стороны ее расположены крупнейшие банки). Шнайдер мне поведал, что UBS, в нарушении договоренности, не поделился с «подельниками» золотом, поставленным ему Советским Союзом. Дело в том, что банки приняли решение работать «в складчину». То есть совместно продавать и покупать золото. Одновременно Фреди подробно рассказал мне обо всех деталях взаимодействия банков на золотом рынке, о технике продаж драгметаллов, став первым моим учителем в этой области.

Тогда же со мной встретились торговцы золотом и из других банков. Сразу после Шнайдера мне предложил совместно пообедать руководитель подразделения драгметаллов из Credit Suisse господин Шрибер. Видимо, разведка доложила ему о моей встрече с конкурентом. Вышел на связь и Цублер — дуайен, то есть самый старый их коллега из UBS. После этого обеды стали регулярными, размышления коллег-конкурентов я стал узнавать регулярно. Мне регулярно звонил Фреди Шнайдер и условными словами сообщал, что у него пришел выгодный заказ и предлагал встретиться. Незаметно я вошел в их компанию, став для них своим. Надо сказать, что швейцарский рынок был только вначале своих опера-

ций с драгметаллами. Появление второго по величине производителя золота давало швейцарцам весомость и солидность. Вот почему они так открыто сообщали мне конфиденциальную информацию.

Так у меня появились возможности для самостоятельной работы. Даже объединившись в Союз, швейцарские коллеги продолжали оставаться конкурентами и постоянно следили за действиями друг за друга, причем узанными секретами они охотно делились со мной. Так что я знал много, даже то, кто на кого в каком банке работает! Но главное то, что полученная конфиденциальная информация позволяла зачастую иметь ясное представление, кто покупает на рынке, а кто начал давить на цену. Не использовать эти знания было бы даже обидно!

Кстати, дружба дружбой, но в ресторане «Сан готар» меня всегда сажали на одно и то же место. Наверняка оно было оборудовано необходимой записывающей техникой. Не случайно наш дуайен Цублер однажды за обедом разоткровенничался: «Господин Карнаух, в нашей службе безопасности на Вас огромное досье уже скопилось, и что смешно — материалы в основном положительные!»

Но все это было уже позже, а тогда, кажется, в 1972 году я предложил руководству Внешторгбанка и Госбанка поручить продажу золота от имени СССР нашему банку. Беличенко отнесся к этому пассивно, мне же было интересно реализовать эту задачу. Наконец мне в виде эксперимента доверили продать две тонны золота, жестко указав нижнюю планку цены. Я продал значительно дороже. Получил еще пару тонн, они вновь ушли с большим наваром. В результате мне отдали все золото! Общую сумму мне не говорили, так как конкретные суммы устанавливались закрытым решением Политбюро ЦК КПСС и Совмина СССР! Задания никогда не давались по телефону, при Свешникове для этого в Москву вызывали меня. Позже, при Алхимове, для этого в Цюрих приезжал специальный человек. Чаще всего зампред Внешторгбанка СССР Е. К. Кузькин. Евгений Кузьмич на улице (кабинет мой наверняка прослушивался), оглядываясь, нет ли шпионов, объявлял, сколько требуется продать золота.

При торговле я сразу стал использовать три принципа поведения: продавал небольшими порциями, откупал золото, когда цен на него падала, и, наконец, при необходимости участвовал в создании альянсов. Через некоторое время мне поставили для оперативного резерва и шесть тонн золота Госбанка (они оказались на моих счетах в Цюрихе и Лондоне).

Для обеспечения безопасности мы заключили контракт с компанией «Матт Транспорт», предоставлявшей нам охрану груза и развоз золота по хранилищам банков партнеров. Они получали наш груз. Его мы перевозили в обычных советских пассажирских самолетах. Пять–семь тонн золота (в стандартных слитках по 12,5 кг) равномерно раскладывали под пассажирскими сидениями! Много лет люди летали в Цюрих и не знали, что в прямом смысле слова сидят на золоте! В отдельных случаях заказывали чартерный рейс из Москвы.

Партнеры в Цюрихе делали перерасчет, взвешивали слитки и определяли точный вес товара. Иногда золото, по моему поручению швейцарцы, зачисляли на наши счета в Лондоне. Меня стали ценить как партнера. Под устное поручительство разрешалось осуществлять операции до 10–12 тонн. Деньги платились задолго до поставки товара, поскольку в случае резкого подъема цены самолеты с грузом золота опаздывали. Продолжали мы участвовать и в лондонском фиксинге. За особую чистоту нашего золота я периодически, когда позволяла конъюнктура, брал надбавку к цене. Чистота его составляет только девятки. У ЮАР этот показатель был значительно хуже — 995.

Каждый из gross-банков располагал собственными золотоплавильными и аффинажными предприятиями, на них наши партнеры стирали со слитков серпы и молоты и ставили свои клейма. Дело в том, что, например, у саудовских шейхов, традиционных покупателей золота, была аллергия на наши символы.

Примерно в 1973 году я прилетел в Москву и вызвавший меня Юрий Александрович Иванов, сказал, что меня приглашает на встречу Алексей Николаевич Косыгин. В то время Предсовмина был уже белой вороной в Политбюро, он раздражал коллег своей интеллигентностью и интеллектуальностью. Его человеком в банковской системе был Свешников, поэтому Госбанк поддерживал с Косыгиным особо тесные отношения.

Косыгин стал меня расспрашивать о работе — корректно и профессионально. Я рассказал Алексею Николаевичу механику нашей торговли, он был явно доволен моим рассказом. Наконец, когда мы уже попрощались, он вдруг задал мне вопрос: «Скажите, какова цена золота будет в конце года?» В тот момент она была чуть выше 50 долларов. Я обернулся и уверенно ответил: «Сто!» После этих слов суроватый Косыгин радостно заулыбался! Эту планку золото преодолело уже через два месяца, быстрее предсказанных мной сроков и пронеслось быстро вверх. В результате цена, после четырех лет роста, в конце 1974 года достигла максимума в 184 доллара!

Такой прогноз позволил мне сделать настрой, который я видел у коллег швейцарцев.

Рос объем работы. Стала очевидна появляющаяся тенденция к резкому увеличению инвестиций в драгметаллы. В частности, большую часть полученных нефтедолларов в золото превращала Саудовская Аравия.

Между тем, работа в золоте ежедневно шла, так сказать, по солнцу. Работа золотых рынков представляла замкнутый цикл (время московское): Гонконг и Сингапур — открытие 5:00; Цюрих — открытие 11:00; через полчаса — открытие Лондона; в 12:30 закрытие Гонконга и 1-й «фиксинг» в Лондоне; второй фиксинг был в 16:00. В 19:00 и 19:30 закрывались европейские рынки, но открывалась Америка! Нью-Йорк — открывался в 17:30, а закрывался в 24:00. И это только Атлантическое побережье, а небольшая биржа есть и в Сан-Франциско тоже. Как видно, когда какой-нибудь рынок закрывается, операции продолжают на

других рынках, при этом, открываясь, новый рынок уже знает, как складываются события. И надо сказать, что при постоянном наблюдении за этими рынками или работе на них было всегда обидно, что, когда Солнце проходило над нашей страной, — это была «серая зона», на которой рынка не было. Нет его и до сих пор.

При этой загрузке тебя никто не освобождает от иной работы — надо встречи провести, написать кучу отчетов, поучаствовать в переговорах с желающими, получить кредит... Ведь одновременно с торговлей золотом наш банк действовал как обычное кредитное учреждение, которое выделяло кредиты своим клиентам, в том числе соцстранам и советским фирмам за рубежом. Не реже двух раз в месяц согласно швейцарским законам собиралось наше Правление, членами которого были и люди, далекие от банковской деятельности. Такие как, например, профессор Девол из Женевы. Правление велось на немецком и переводилось на французский — жители Женевы терпеть не могут немецкий язык. Вопросы продажи золота на заседаниях не обсуждались.

Работали мы по золоту не только со швейцарцами, продавали его и в Англии, а активными нашими партнерами были немецкие банки — Deutsche Bank и Dresdener Bank, также имевшие огромный интерес к золоту.

Во время поездки в Люксембург я познакомился с Хансом Иохимом Шрайбером, тогда руководителем филиала немецкого банка Компани Буржуа Люксембург. Это был банковский офшор, немцы с помощью него уходили от выплаты своих больших налогов. Шрайбер сидел на огромных деньгах. Так вот он, став первым заместителем Dresdener Bank, умело используя нужную информацию, провел против нас однажды очень крупную операцию. Дело в том, что его банк, активно кредитовавший в ту пору Внешторгбанк СССР, решил воспользоваться моментом финансовых затруднений в нашей стране. Имея информацию о неурожае в СССР и зная, что у нас приближается срок погашения кредитов, он понимал, что Советскому Союзу придется для этого продавать золото. Он на три месяца набрал золотые депозиты (тонн 50 или 60) у банков-партнеров и ударил золотым кулаком, хорошо рассчитав время удара. Сколько будет продано золота — никто не знал, немец блефовал, рынок посыпался. Шрайбер стал ожидать нашего появления в ловушке. Он ждал, когда мы начнем продавать золото по установленной им цене. И мне действительно из Москвы шли поручения — продавать золото на любых условиях. Но делать это на нижней точке не хотелось! Я медлил. Вновь помогли коллеги-швейцарцы. Их «разведка» мне донесла, что золото взято немцем взаймы и бесконечно Ханс держать его не сможет! Правда, даты возврата я не узнал. Началась война нервов. Мне Москва уже грозила: «Не продашь — отзовем!» В день, когда я был готов начать продажу, первым не выдержал Dresdener Bank. Я собирался начать это делать после обеда, соперник принялся откупать металл раньше! Он вынужден был гнать рынок вверх, отыгрывая убыток в игре на повышение. Мы

только этой волны и ждали. Нам, как виндсерфингистам, оставалось только следовать за движением цены. За поединком, конечно, внимательно следил весь рынок, особенно радовались повышению продавцы из ЮАР. Такие схватки в тот период не были единичными.

А Шрайбер после этого случая стал относиться ко мне с уважением. Потом, кстати, он чрезвычайно много средств заработал на американских аукционах, о которых речь пойдет дальше. И значительно ослабил их действие на рынок.

Золотая гонка

Таким образом, Советский Союз вместе с ЮАР стали основными поставщиками на мировом рынке золота. Из ежегодного объема продаж 1100–1200 тонн на нас приходилось — 200–300, а на ЮАР около 700 тонн золота.

Всего на потребление (ювелирную, электронную, стоматологическую и прочие промышленности) в год тратилось 700 тонн, как раз столько, сколько выбрасывали на рынок наши коллеги. Наше золото, следовательно, обеспечивало инвесторов и тезавраторов (накопителей сокровищ в виде золотых слитков и монет). Государственные банки по-прежнему не могли приобретать золото на свободном рынке.

В отличие от Национального банка ЮАР, работавшего в режиме еженедельных продаж, мы присутствовали на рынке постоянно, даже когда не продавали металл. То есть мы научились с успехом и выгодой для страны применять знакомую нам науку создания дефицита. Реализовывая ежегодно свои 200–300 тонн золота, мы практически устанавливали цену на весь металл, хранившийся во всех национальных банках мира, то есть на 35 тысяч тонн! В результате в начале 80-х годов она уже доходила до 800–850 долларов за унцию, поднявшись за 10 лет с 35!

Очень нашей работе мешали «скрэбь». Когда золото стало резко расти в цене, то выстраивались большие очереди граждан всех европейских стран, желающих сдать в лом домашние запасы ювелирных украшений: от обручальных колец до золотых подносов и подсвечников. Эти сотни тысяч тонн металла не были предусмотрены при оценке его конъюнктуры, поэтому давили на рынок.

В 1974 году я должен был уезжать в Москву (обычной тогда практикой совзагранбанков была ротация кадров через 4–5 лет работы). Мне подготовили замену — Каштанова, но швейцарцы его не приняли, более того, предложили вернуть в банк Карнауха. Это «упорство» альпийцев объяснялось в том числе и тем, что у меня сложились очень неплохие отношения с местными крупнейшими банками, а, кроме того, и с председателем Национального Банка Швейцарии (Swiss National Bank, SNB) Фрицем Лейтвиллером. Мы с ним периодически встречались и прониклись взаимной симпатией.

Мефодий Наумович Свешников был раздражен и с угрозой говорил швейцарцам, что если за месяц они не утвердят нашего кандидата,

то подключим к решению проблемы министра иностранных дел А. А. Громыко! В результате через три-четыре месяца я все-таки вернулся в Москву. Свешников меня назначил зам. начальником валютно-экономического управления Госбанка СССР.

Уезжая в Цюрих, я настоял, чтобы именно Юрий — мой заместитель (начальник отдела), заменил меня и стал контролировать валютные планы. Там он, как и я установил хорошие отношения с кураторами и был приглашен на работу в Совет министров (позже Н. И. Рыжков назначит его руководителем Внешторгбанка). При этом после возвращения в Москву, Московский предлагал мне перейти на работу к нему, но я уже слишком привык к «своему» золоту и отказался от многочисленных «благ», сопровождающих работу в столь высоком правительственном учреждении.

Юрий был очень профессиональный человек с удивительной судьбой. Он чуть не родился в партизанском отряде в тылу врага. Мать отправили рожать на самолете в Москву, дав пистолет и напутствие застрелиться в случае опасности попасть в плен. Все обошлось, и Юрий родился в 1941 году на «большой земле».

Сложившиеся во Внешторгбанке отношения демонстрирует такой пример. Однажды Московский позвонил и начал меня поздравлять. В кулуарах его информированной организации он услышал, что за операции с золотом во Внешторгбанке награждают чуть ли не 50 человек. И есть даже один орден Ленина. Юрий решил, что его непременно дадут мне! В действительности слух подтвердился, но этот орден получил Ю. А. Иванов, мне достался орден Трудового Красного Знамени.

Кстати, позже я получил и орден Дружбы народов — за «участие» в Олимпийских играх в Москве 1980 года. За эту успешную, хотя и не сложную операцию я и был награжден. Дело было так.

В 1980 году нам поручили приобрести золото и серебро для изготовления олимпийских наград. А к ним еще и коробочки. Выделять свой металл казалось более сложной задачей — требовалось решение Политбюро. Поэтому покупку, на альтернативной основе, Совмином было предложено произвести нам и «Алмазювелирэкспорту». Но если внешторговцам каждую сделку приходится оформлять договором и согласовывать с юристами, то нам было легче: мы вели себя на рынке свободно. В результате мы купили свой металл за три дня по очень хорошей цене. Наши коллеги тянули. И зампред Внешторгбанка Дровосеков позвонил и сказал: «У Семеныча трудности, покупай вторую часть!» Это был практически первый мой опыт работы с серебром. Но не последний.

Кстати, все ордена вручались без публикации Указа об этом в прессе. Такова была специфика нашей работы.

В Госбанке мне сразу пришлось столкнуться со следующей проблемой: за несколько лет было роздано множество долларовых кредитов, в частности Индии, Сирии, и в основном Госкомитетом по экономическому со-

трудничеству (ГКЭС). При подписании договоров была пропущена «золотая оговорка», величина контрактов была привязана к цене на золото в 35 долларов. Эта оговорка в подписанных документах приносила нам огромные убытки по нашим кредитам. Была составлена межправительственная комиссия во главе с заместителем председателя Правления Госбанка СССР Юрием Алексеевичем Балагуровым, я был в ней заместителем. И поехали мы разбираться с этими проблемами.

Золото с приветом

Осенью 1976 года я вернулся в Цюрих. Швейцарцы отмечали: без меня золото снова упало в цене! В результате, потеряв за это время 45% (снизившись с 180 до 100 долларов)! Приехав, я проделал фокус: напечатал на бумажке латиницей русский текст «Золото, я вернулся!» После этого послал телекс с этим текстом Фреди — зная, что все равно он ничего не поймет! Я был уверен, что к вечеру начнется подъем цены. И действительно, как будто любимый товар салютовал мне: «Привет, товарищ!» И шел вверх. Это действие я в дальнейшем повторял еще пару раз и с тем же успехом, возвращаясь из отпуска! В результате за пять лет следующих лет цена золота немного не дотянула до 1000 долларов за унцию.

Изменение ситуации потребовало от США всерьез задуматься об изменении своей политики на золотом рынке. Рост цены золота на свободном рынке приводил тогда к резкому падению курса доллара. Активная деятельность европейских и азиатских банков и торговых домов, в глазах США была проявлением независимой политики, делающей невозможным поддержку официальной цены золота. И, наконец, самое худшее — резко увеличились объемы валютных поступлений СССР. Все это подтолкнуло Соединенные Штаты к радикальным решениям. Ответ США был масштабным — в 1975 году они разрешили работать с золотом всем гражданам и фирмам США, сняв все ограничения. Был отменен золотой стандарт. Физический металл они поместили в список обычных биржевых товаров где-то между свининой и апельсинами. США объявили о новой политике «демонстрировать золото и в конечном итоге обращаться с ним как с другими товарами». Сначала Международный валютный фонд, затем Казначейство США, а потом оба параллельно стали проводить аукционы золота. Особой необходимости в них не было. Решение носило явно политический характер. Аукционы проводились ежемесячно свыше пяти лет — с января 1975 по май 1980 г. На аукционы приглашались любые покупатели из каких угодно стран, кроме центральных банков. Всего было проведено 66 аукционов, в том числе по линии американского казначейства — 21 аукцион и 45 — по линии МВФ. Всего было продано 1262 тонны золота. Если говорить об аукционах, то минимальная аукционная цена — 109,4 доллара за унцию была зарегистрирована в 1976 году, максимальная — 712 долларов за унцию — 6 февраля 1980 года. Рост в 6,5 раза. Высоко-

поставленный чиновник Федеральной резервной системы Уоллич так комментировал развитие событий: «Никто никогда не мог подумать о том, что после поставок нашего золота на рынок, цены поднимутся до небес».

На мой взгляд, аукционы, в том виде, в котором они проводились, были ошибкой. Для того чтобы сдерживать цены, надо было интервенции производить не публично. Действия американцев породили еще один механизм спекуляции. Каждый раз аукцион доставлял игрокам удовольствие и дополнительный выигрыш.

Перед аукционом профессионалы продавали определенное количество золота, создавая так называемые «короткие» позиции. Затем по более низкой цене оно откупалось на аукционах. Dresdener Bank, который еще недавно устраивал нам ловушку, активно играл на повышение. Неоднократно по вечерам, когда проходили аукционы, Шрайбер (у нас после описанной дуэли сложились своеобразные отношения) звонил и информировал нас о количестве заявок на аукционе, кто и по какой цене покупает и сколько покупает он сам. Этот банк был лидером покупок. Так, на американских торгах 21 августа 1979 г. Dresdener Bank сразу приобрел 22,4 тонны золота из 23,3 тонн, предложенных к продаже.

Под воздействием увлекательных рассказов Шрайбера я договорился с Москвой о выходе на эти аукционы. До этого, надо сказать, я покупал уже золото у МВФ. Разрешение мне на всякий случай дали только устное. Покупки на американском аукционе мы делали сознательно, поскольку американцы публиковали список покупателей. Изначально было ясно, что аукционы направлены и против СССР, которому предписывалось продавать золото по дешевой цене. Наши покупки были замечены в США. В газетах журналисты писали: «Зачем нам продавать золото, если его покупают русские?»

В западных газетах часто давали весьма тенденциозную информацию о наших операциях с золотом. Наиболее объективно в тот период, на наш взгляд, писал и говорил крупнейший специалист по рынку золота, автор многих статей и книг — англичанин Тимоти Грин.

«В настоящее время продажи золота осуществляются Банком для внешней торговли через «Восход Хандельсбанк» (Шютценгассе 1) — советский банк в Цюрихе. За последние пять лет «Восход» стал активным участником рынка золота — в основном как продавец, но время от времени и как покупатель, для того чтобы стабилизировать свою прибыль. В этом отношении есть весьма существенное отличие от ЮАР. Южноафриканский резервный банк просто продает добычу страны. Это улица с односторонним движением. «Восход» же действует в обоих направлениях. И обычно он продает очень и очень умно. Он всегда продает металл при повышении цены и никогда при ее понижении. В моменты, когда цена достигает дна, он просто уходит с рынка и ожидает, когда цена стабилизируется на новом уровне.

«Восход», вероятно, также старается поддерживать рынок путем крупных покупок. Уже не раз русские покупали золото в объеме, достаточном, чтобы предотвратить серьезное падение цены металла.

Он также появляется и на других рынках. Мы можем вспомнить, что он был покупателем на первых аукционах МВФ и, я думаю, что это является проявлением их стратегии. Вы помните ту нервозность в отношении возможных последствий аукционов МВФ, которые могли понизить цену золота? И кто же появляется и покупает? Русские!»

Речь Тимоти Грина на 4-й ежегодной конференции американского Национального комитета за валютную реформу, в Нассау, в США, опубликованная в журнале «Сильвер энд Голд Рипорт» в июне 1978 года.

Наша беда заключалась в том, что швейцарцы разрешали работать в банке только четырем советским сотрудникам, причем в конце 70-х годов Москва оставила нас более чем на год вообще вдвоем. Все остальные сотрудники банка были швейцарцы. Так что на рынке золота я работал практически один, на подхвате у меня был помощник (вначале Михаил Самсонов, потом Александр Думнов). Несколько швейцарских дилеров выполняли техническую работу.

Хорошо, что я взял себе экономистом из Москвы толкового молодого человека Олега Янукова, он писал в институте диплом по золоту, этим мне и приглянулся. У него были хорошие английский и немецкий, поэтому он сидел у меня на переводах зарубежной прессы — всего, что было связано с нашей темой. Набравшись опыта, он был потом долго представителем Внешторгбанка в Нью-Йорке.

Одно время у меня еще были возможности периодически уезжать в Женеву к семье (в Цюрихе в ООНовской школе учились мои дети), но позже и «семейные» пятницы были отменены, так как в конце недели я должен стал писать шифровки с оценкой состояния мирового рынка золота. Отправлять их следовало из посольства, находящегося в Берне — в 120 километрах от Цюриха. Так я и носился по «золотому треугольнику» этих трех городов.

Генерал Черненко недавно написал книгу, из которой я выяснил, что, оказывается, КГБ тоже делало свой анализ конъюнктуры рынка золота. Мемуарист эмоционально пишет, что товарищи из конторы были возмущены: «Во Внешторгбанке нет специалистов. Почему мы должны предсказывать движения цены на золото?! Весь наш коллектив стал анализировать! У нас было жуткое напряжение. В конце концов мы решили, что цена пойдет вверх. Как же мы радовались, когда оказалось, что были правы». Бедные они, бедные! А ведь я писал еженедельно отчеты руководству Госбанка, которые, наверняка, ложились вначале на столы в Комитете.

Следует отметить, что у нашего банка, как, вероятно, и у других совзагранбанков, была еще одна задача. Пополнение валютного плана стра-

ны. Было несколько вариантов, которые мы использовали. Например, через нашу зарплату. Моя зарплата в банке составляла 200 тысяч швейцарских франков в год, но получал я по 2000 в месяц, на уровне торгпреда и приходящей швейцарской уборщицы. Основные деньги советские сотрудники отвозили в торгпредство и оставляли там на счете.

Но одним из самых важных способов был следующий: договаривались, что Госбанк и Внешторгбанк дадут банку гарантию на несколько десятков миллионов долларов. При этом все знали, что эти суммы мы в действительности не получим, но за эту гарантию Госбанку заплатим. Я знал, что эти суммы зачисляются на счет доходов валютного плана Госбанка.

Окружение за годы моего отсутствия в Цюрихе не изменилось, условия работы тоже, так что на раскачку время не понадобилось. Мы по-прежнему подолгу разговаривали с лучшим специалистом из Deutsche Bank Фрицем Плассом, с которым давно дружили. Совершали с ним и взаимовыгодные сделки. А главное, очень хорошая аналитика этого немецкого банка весьма помогала мне составлять пятничные отчеты. Однажды и я ему помог. Фриц говорил мне о хорошо налаженных связях с американскими коллегами, но однажды я передал ему полученный мною факс, в котором американский «друг» его фактически предавал. Одним его другом стало меньше, но ему удалось избежать неприятностей.

Второе мое посещение вопреки всем правилам было долгим — до 1984 года.

После событий в Сингапуре ушел на пенсию Свешников. Я очень уважал этого человека, при создании Внешторгбанка свернувшего горы. После Свешникова председателем Госбанка стал Владимир Сергеевич Алхимов, десять лет проработавший заместителем министра внешней торговли СССР. Его замом Валерий Александрович Пекшев. Работу с драгметаллами курировал Евгений Кузьмич Кузькин. Председателем Внешторгбанка стал ветеран банка Юрий Александрович Иванов.

Вначале и меня хотели заменить на какого-то минвнешторговца. Но Алхимов съездив в Цюрих, поговорив с Фрицем Лейтвиллером, понял, что результат в этом случае будет непредсказуем. И передумал. Однажды при мне Владимир Сергеевич даже произнес: «Из пяти буханок хлеба три оплачивает «Восход». Чтоб ты знал!» А вот с Ивановым у меня установились сложные отношения. Его отодвинули от регулирования рынка золота — их теперь курировал, как я уже говорил, Кузькин, которому я постоянно делал доклады. Эта обида наложилась у Председателя на старые претензии ко мне.

Кстати, Кузькина, как засветившегося «бойца невидимого фронта» (работа их в совзагранбанках очень редкий случай), в свое время выслали из Франции. В дальнейшем эта страна упорно не давала ему въездную визу. Говоря об этих сотрудниках, в качестве курьеза вспоминаю случай и с его коллегой Трусевицем, работавшим в начале 60-х годов в Моснар-

банке в Лондоне. Однажды он нарушил правила движения и был остановлен полицейским. Прочитав фамилию в документах ироничный «коп» отдал ему честь и сказал: «Своих не штрафуют!» Чем вызвал панику у Трусевича.

Как я уже упомянул, мне удалось договориться о личной встрече Лейтвиллера с Алхимовым. Она оказалась успешной, банкиры нашли общий язык. Это очень понадобилось в начале 1980-х годов, когда США, объявив нам блокаду, давил на своих союзников, чтобы они не выдавали СССР кредитов. Не все поддавались на этот нажим, но он был очень сильный! Лейтвиллер вел независимую политику, и часто Алхимов просил меня выступать переговорщиком по многим важным вопросам. То есть я выполнял еще и роль дипломата.

Лейтвиллер был высоко профессионально образованным. Он почти гордился тем, что докторскую диссертацию готовил в той же библиотеке, где Ленин писал свои труды. В то же время имел хорошее чувство юмора. Однажды он, во время непосредственной беседы толкая меня локтем в бок, хитро улыбнулся и сказал: «А ведь социализм построили мы, а не вы!» Мне, глядя на ухоженные средневековые районы Цюриха, по которым мы в тот момент прогуливались, сложно ему было возразить.

Лейтвиллер одновременно с Национальным Банком Швейцарии возглавлял Базельский банк международных расчетов (BIS) — международную организацию, созданную в 1929 году, целью которой является развитие сотрудничества и координация действий между центробанками разных стран. СССР не был пайщиком этого банка, но все соцстраны в него входили.

Согласно информации аналитиков лондонского Сити, исследовавшим зарплаты главных банкиров разных стран в 2003 году, самым высокооплачиваемым финансистом на государственной службе является глава гонконгского центробанка Джозев Йам, получающий \$1,12 млн в год. На втором месте — глава базельского Банка международных расчетов Мальком Найт (\$450 тыс). Тройку лидеров замыкает председатель Центробанка Нидерландов Нут Веллинк — его зарплата составляет \$440 тыс. Среди наиболее высокооплачиваемых глав ЦБ также числятся руководители банков Швейцарии (\$429 тыс.), Англии (\$411 тыс.) и Японии (\$276 тыс.). Председатель Федеральной резервной системы США Алан Гринспен зарабатывает всего \$172 тыс. в год, в то время как глава Европейского центробанка Вим Дуйзенберг — \$417 тыс.

Из сообщения Прайм-ТАСС.

Скачки цены золота вверх в конце 70 — начале 80-х годов вели к тому, что доллар неуклонно сползал вниз, в США шел кризис одновременно с энергетическим кризисом. Журнал «Юнайтед Стейдз энд Уорлд рипорт» в 1979 году писал: «Взрыв золотых цен рассматривается европей-

скими банкирами как массовый вотум недоверия экономической политике Картера».

И действительно, если в августе 1978 г. был пройден рубеж 200 долларов за унцию, в августе 1979 г. — 300 долларов, то в канун 1980 г. — 525 долларов, а рекорд был поставлен 21 января 1980 г. — 750 долларов за унцию. В таком подъеме цен сыграли свою роль и попытка спекулянтов на американской бирже сначала придавить цену путем «пустых» запродаж на срок, и обострение обстановки, и ввод советских войск в Афганистан, и то, что мы внесли предложение сократить продажу золота. Это было вызвано тем, что в 1978 г. нам пришлось слишком много продавать. Руководство Госбанка СССР согласилось с нашим предложением.

Боязнь того, что Россия может осуществить демпинг золота для уплаты за зерно или другой срочный импорт, оказалась беспочвенной. Напротив, русские очень часто опережали плохие урожаи и продавали золото, необходимое для платежей за пшеницу до объявления о том, что ожидаются значительные продажи русского золота. Например, о плохом урожае в 1978 г. было объявлено в конце октября. В действительности же, русские начали продавать золото пятью месяцами раньше — в июне. И без шума распорядились 256 тоннами к тому дню, когда было объявлено о плохом урожае. Затем они почти на три месяца исчезли с рынка как продавцы. В 1979 г. они едва ли продали 200 тонн на Западе и значительно ниже 100 тонн в следующем году. Им, конечно, помог бешеный рост цены на золото.

Русские имеют в виду каждый год валютную цель. И она была достигнута гораздо легче в январе 1980 г. при цене золота, скачущей на уровне 850 долларов за унцию, по сравнению с 200 долларами на унцию пару лет раньше. Русские спокойно использовали благоприятную возможность избавиться в этом месяце примерно от 30 тонн. Таким образом, заработав валюту, на которую ранее потребовалось почти 100 тонн.

За весь 1980 г. они зарабатывали больше от продажи менее 100 тонн золота, чем они получили от 330 тонн в 1977 г.

Русские также стремились максимально увеличить свои доходы от золота — они выпустили четвертьунцовую золотую монету (7,4 грамма) — червонец, который реализуется на рынке через «Восход» с премией в 7% над его золотым содержанием.

Тимоти Грин. «Новый мир золота», США, 1982 г.

Блестящий английский аналитик Тимоти Грин всегда поражал меня своими прогнозами, и в этот раз он все понял.

Что касается «червонцев», то, на мой взгляд, это была неудачная новация. Нас не привлекали к обсуждению вопроса об их выпуске для продажи на Запад. Операция и чеканка были явно плохо продуманы, анализ рынка монет не проводился, и Внешторгбанк смог продать только очень

небольшую партию. Затем наступила длительная пауза. Нас попросили взять «червонцы» на реализацию. Было хорошо известно, что ЮАР для реализации своих золотых «крюгерендов» весом в 1 унцию затратила сотни миллионов долларов и много лет на рекламу, да и премия у них колебалась от 3,5 до 2%. Взяв программу, мы за счет сметы «Восхода» организовали рекламу в «Financial Times», американских и немецких газетах. Сразу успех здесь не приходил, а Внешторгбанк просил ускорить реализацию. Тогда вновь пришлось использовать советский метод торговли. Когда на рынках взрывались цены и, особенно на наши слитки с чистотой 999,9, когда у нас постоянно трещали телефоны, мы продавали «червонцы» в нагрузку. Так удалось реализовать довольно большое количество червонцев. Тем не менее, когда я сдавал дела, в 1984 году у «Восхода» все еще оставалось, если не ошибаюсь, около 8 тонн червонцев на консигнации. Как сообщала пресса в начале 2000-х годов, у ЦБ находилось около 10 тонн этих монет и глава ЦБ объявил этот червонец полноценной инвестиционной монетой. Я думаю, это старые мои знакомые.

Особо надо отметить нашу попытку в те годы начать торговать самородками. Они были нами классифицированы по размерам и формам. Иногда их брали ювелирные магазины как самобытное явление природы. Но реального рынка создать не удалось.

Более успешны были опыты на рынке серебра. Госбанк СССР трижды давал нам задание его купить. В начале 80-х годов оборонке страны понадобилось 1000 тонн этого металла. С деньгами тогда было плохо, поэтому мне дали некоторое количество золота для реализации, чтобы получить средства для приобретения заказываемого серебра. Мы даже торговую операцию назвали «шило на мыло».

На наше счастье в 1979–1980 гг. в США прогремел громкий скандал с братьями — мультимиллиардерами Хантами из Техаса (главный из которых — знаменитый нефтяной король Нельсон Банкер Хант).

Тогда, желая стать монополистами на рынке серебра, они провели беспрецедентную спекулятивную игру на повышение и собрали более 18 тысяч фьючерсных контрактов на серебро (плюс существенное количество физического металла). На бирже Комэкс, где обозначенное на бумаге серебро в десятки раз превышает его физическое количество, Хант стал концентрировать у себя реальный металл, который отправлял в Цюрих. В аэропорт этого города — «Клотен», знаменитый тем, что он оборудован большим количеством сейфов и надежных хранилищ. Делал это он через моих швейцарских коллег, в частности Кауфмана и Фреди Шнайдера. Всего за несколько недель цена на серебро тогда взлетела в 10 раз — с 5 до 50 долларов за тройскую унцию. Братья на серебре буквально «озолотились», разорив многих других спекулянтов. Но все это продолжалось недолго.

Комиссия фьючерсной торговли (КТФТ) США и руководство биржи Комэкс изменили правила игры, ужесточив условия торговли на бирже. Они потребовали установить лимиты открытой позиции для всех финан-

совых фьючерсных контрактов. Эти лимиты КТФТ стала строго отслеживать, распространив практику на все фьючерсные рынки США. 27 марта 1980 года котировки обвалились.

В нужный момент братья оказались не в состоянии внести дополнительный гарантийный депозит, что вызвало панику на рынке. Не сумев дополнительно «наскрести» порядка 100 млн долларов, братья прогорели дотла.

Мой друг Фреди из банка «Ферайн», игравший вместе с ними, ожидая увольнения, с горя запил.

Важнейшим фактором, предопределившим падение Хантов, стала реакция на рост цен одного из крупнейших традиционных потребителей «белого металла» — Индии. Сокращение внутреннего спроса из-за резкого повышения стоимости серебра заставило индийские власти снять ограничения на его экспорт, и рынок оказался наводнен наличным металлом.

Не пошло на пользу Хантам и то, что резкий подъем цен на серебро вызвал взрывной рост его производства и инвестиций в добычу, породивший многолетнюю проблему перепроизводства. Намечавшийся в конце семидесятых годов баланс спроса и предложения был нарушен.

Спекуляция Хантов надолго вывела рынок из равновесия. Излишек серебра ощущался вплоть до начала девяностых годов, когда постепенно, в результате роста технологического спроса и сокращения добычи из-за низкой рентабельности бизнеса, ситуация не изменилась на обратную.

Павел Бьков. Завещание Ньютона // «Эксперт», №11(224) / 20 марта 2000

Мне же эти события позволили провести свою операцию. Я не стал продавать золота и покупку серебра делать публично. А начал имитировать спекулятивные операции: обращался к американским фирмам и предлагал им прокотировать цену. Откупал некоторое количество. Вновь просил дать котировку и считающему (справедливо), что я скупаю металл на рынке и повышающему котировку, я писал: «Продаю!» Партнер, очевидно, ругался про себя, но был вынужден покупать. Путем этих старых трюков, продавая параллельно понемногу золото, я за пару месяцев накопил заказанное серебро.

Тут возник другой вопрос: физическое серебро находилось в США — как его оттуда незаметно вывести? Был найден следующий путь — я просил зачислять серебро на мои счета у Ротшильда и Самуэля Монтегю в Лондоне либо в один из партнерских банков Швейцарии. Впоследствии из Цюриха у нас для вывоза существовал проверенный канал — на пассажирских самолетах, а вот в Лондон пришлось направлять корабли. В результате, операция успешно завершилась, 400 тонн серебра отправились в СССР из Цюриха авиарейсами, а остальные 600 — морем из

Лондона. Благодаря нашим действиям 115 тонн страна получила бесплатно. Мне грозились вручить орден, но по какой-то причине забыли. Но главное, что было сделано интересное дело!

ЦРУ узнало о моих действиях слишком поздно и не простило их мне.

Занимались мы и «братской помощью». Однажды на меня, находясь в Цюрихе, вышел один из директоров Национального Банка Австрии г-н Фройли. Мы с ним пообедали, подружились. Зная, что мы очень аккуратно, без авантюризма, размещаем свое золото, он стал постоянно просить проконсультировать: куда и ему пристроить золото на депозит, чтобы зарабатывать. Все мои советы оказывались точными. Так и началось наше «творчество». Банк Австрии, нарушая все законы (им не разрешалось золото даже вывозить из страны!), постоянно размещал его и неплохо на этом зарабатывал. А мы, когда это было особенно необходимо, брали золото и у него. Так что у нас установилась многолетняя дружба.

Так же помощь я оказывал и Вьетнаму. После сдачи Сайгона, северянами было захвачено золото южновьетнамцев. По-моему, тонн двенадцать. К нам обратились с просьбой его продать. Что и было сделано.

В конце 70-х годов последовал новый американский ответ за нашу активность. Соединенные Штаты, почувствовав провалы на аукционах, организовали свой собственный внутренний рынок и золотую фьючерсную биржу. И уже в 1980 году годовой оборот на этой бирже в 46 раз превышал объем реального производства золота. Через нее проходило до 100 тысяч тонн несуществующего золота в год. Благодаря таким виртуальным объемам металла американцы научились легко управлять рынком золота. Этот механизм под названием «Комэкс» существует и сейчас, сдерживая цену золота. Именно он, а не торговля реальным золотом определяет его цену. С открытием этого рынка завершился первый период становления мирового золотого рынка и нашего в нем участия.

Пласс в начале 90-х годов, когда я уже работал в одном из коммерческих банков, как-то грустно мне написал: «Юрий, раньше мы с тобой неоднократно обыгрывали Комэкс, теперь он диктует цену золота!»

Однако мы продолжали упорно бороться и умудрялись достаточно успешно продавать золото выше среднерыночной цены, зарабатывая стране на этом миллионы долларов. Однако наше малоподвижное партийное руководство из Политбюро, хоть и удивлялось прибылям, не могло понять, каким образом на порядки увеличивается объем международного золотого рынка. Некому в нем было принимать решения, а значит, и помогать нам. Более того, их действия периодически ставили нас в неудобное положение.

В конце 1982 года весь рынок был перезапродан, до декабря его гнали уже три месяца, все продавали непрерывно. Большинство судя по всему открывали «короткие позиции». И вот в такой ситуации приехавшие 2 декабря в Цюрих Кузькин и Пекшев, дали мне распоряжение: продать

до конца года 100 тонн золота! Внешторгбанк тогда действительно попал в патовое положение: из-за рейгановской блокады у банка не было денег и на международном рынке ему предоставлять новые кредиты все боялись. Так как видели, что у нас не было остатков средств на счетах. Для получения же кредитов необходимо, чтобы эти остатки на начало года были достаточно солидными.

В том случае судьба опять мне улыбнулась. Через несколько дней начался быстрый рост цены. Мне удавалось ежедневно за раз выбрасывать по семь тонн, не останавливая рост цены. Перед Новым годом пошло закрытие «коротких позиций». Мои московские коллеги с удивлением за всем наблюдали. Зато, когда они вернулись на родину, радостный Алхимов пожал им руки и поблагодарил за работу. Поправив баланс, можно было уже надеяться на получение кредитов.

В 1995 г. у нас был издан перевод книги ветерана разведки, американца Петера Швейцера «Победа» («Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря»). В книге автор описывает многочисленные комбинации по нанесению ущерба СССР, деятельность администрации Рейгана и ЦРУ в этом направлении, о продаже русского золота и боязни американской стороны совместных действий ЮАР и СССР на этом рынке. Эти опасения были часто заметны в специальных репортажах, например, английского телевидения. Запад, и в первую очередь американцы, боялись создания «золотого ОПЕК». Не случайно руководитель ЦРУ Вильям Кейси сам приезжал в ЮАР и устраивал там профилактическую обработку руководства Центрального банка и правительства этой страны. Чтобы они и не думали о контактах с советскими! Кейси также сообщил, что в 1978 году в Цюрихе якобы была встреча представителей ЮАР и СССР. Это ложь. Ее не было. Хотя, по моему мнению, такая встреча была бы очень полезна. Более того, швейцарские банки два или три раза передавали нам предложения находившихся в Цюрихе официальных представителей ЮАР провести встречу, в том числе от руководителя горной палаты ЮАР Томаса Мейна. Однако руководство Госбанка сообщало, что разрешение на это не получено. В ЦК КПСС запрещали «встречу с расистами». Идеологические шоры были выше пользы страны.

В начале 80-х годов ко мне в банк приезжала группа представителей Федеральной резервной системы и Казначейства США во главе с одним из директоров Низенсеном. Его сопровождал секретарь посольства, явный цэрушник, по фамилии Бицек. Целью посещения было прощупывание дальнейших наших планов по продаже золота.

Люди из американских спецслужб, очевидно, решили: пора с нами кончать! Кстати, сразу после этого визита, сменился посол США в Швейцарии. Новый был банкиром по профессии. Все коллеги из gross-банков сразу отрапортовали мне, что этот дипломат побывал во всех важнейших банках и всех подробно расспрашивал про «Восход» и про Карнауха лично. Судя по всему, именно тогда и был завербован наш главный дилер

Вернер Петерханс, а также еще два швейцарских дилера. Тем более что оказалось, у Петерханса в США жил брат.

Ну ладно, когда против тебя работают противники. Обидно, что и свои постоянно ставили нас в дурацкие ситуации. Так, Иванов мне в 1983–1984 годах, в обход американского эмбарго, стал отправлять все фирмы, покупающие для СССР технику двойного использования. Соответствующий план ЦРУ под названием «Исход», направленный против СССР, был подготовлен в 1981 году. Я не был предупрежден, а у меня в банке по рекомендации Внешторгбанка эти фирмы стали открывать свои счета. Обнаружилось это, когда было открыто 30 таких счетов и у меня на столе лежало две повестки в суд — в швейцарский и немецкий! На них давил Верховный суд США. Я уже не говорю, что таким образом была раскрыта сеть наших коммерческих компаний.

Наконец в 1984 году произошел другой неприятный случай, который Юрий Александрович сумел максимально раздуть. Я по просьбе из Москвы продавал небольшую партию золота, в результате осталась не реализованной всего одна тонна — цена стала падать, и продавать было нецелесообразно. Михаил Самсонов предложил мне оставить ее себе, подтвердив Внешторгбанку, что я ее продал. Следовало на следующий день отчитываться, и эта тонна портила картину. Я, решив, что вывернусь, согласился. Но в очередную субботу американцы из фирм «Арон» и «Филипп бразерс» на бирже в Гонконге умудрились сбросить цену на 100 долларов за унцию! Сделано это было следующим образом: биржи в Гонконге и Сингапуре работали по субботам, на них был узкий рынок, задавить его было несложно, чем они и воспользовались. Отправив туда крупную партию золота, они добились того, что цена сразу упала. С такой цены и открылись все остальные биржи в понедельник. Достаточно долго эта ситуация сохранялась, но потом цена пошла вновь вверх. Такие мелкие трюки периодически использовались.

Кстати, первая половина 80-х характеризовалась существенным снижением цены золота — до минимальной отметки в феврале 1981 — 284 доллара за унцию. Следующие три года, рыночные котировки вновь значительно поднялись (достигнув максимума в 1987 году — 503) после чего золото снова стало дешеветь. Эта фаза длилась более 5 лет и закончилась в марте 1993-го, когда лондонские котировки опустились до 326 за унцию. Далее шли годы, когда цена была достаточно невысокой, но стабильной. Средняя за год на лондонском рынке в 1994 и 1995 годах составляла 384, а в 1996 году — 388 долларов за унцию.

Между тем ревизионная компания «Нойтра Тройханд» во главе с профессором Лутцом проводила обычную проверку. Как правило, после проверки они выпускали солидный том, который подписывал Лутц и я, как президент банка. И в этот раз отчет был положительный. На одну тонну с минусом фирма вообще не реагировала. Фирма знала наши ресурсы, которые могли покрыть и намного большие убытки. Кроме того, убыток

можно сократить еженедельным дилингом. И еще немаловажное замечание: если у «Восхода» появился временный убыток в 3 млн 200 тысяч долларов, то у нашего государства, у Москвы должен быть доход на ту же сумму! О чем руководство ВТБ уже успело радостно сообщить в верха.

Большого убытка для банка от той тонны вообще не было, резервы в нем были. Но все произошло в конце года, и я, приехав в Москву, зашел к Иванову и, сославшись на договоренность с Самсоновым, рассказал о своих проблемах.

В банк приехала комиссия во главе с Басовым. У них уже было указание вместо меня назначить президентом банка Самсонова. Меня перевели в аппарат Внешторгбанка.

Через месяц или два я получил в Москве отчет, подписанный Лутцем. Положительный, остатки на валютных счетах были достаточно скромными, в рамках закона. Но последние страницы, где показывалась позиция в золоте, меня удивила. Позиция была показана более 5 тонн. В тот период, когда мы не продавали золото, это был огромный перебор!

Право на самостоятельную работу с металлом было только у президента банка. Небольшие лимиты у его заместителей (ранее ими были Самсонов и Думнов). Порядок был известен всем. Я позвонил по телефону и сообщил, что таких позиций никогда не было. Самсонов в то же время требовал, чтобы я подписал отчет, поскольку Петерханс, давая такие данные, ссылаясь на меня. «Я верю ему, а не тебе!» — сказал Самсонов. Пришлось твердо ответить, что моей подписи на таком отчете никогда не будет!

Второй ошибкой Михаила было то, что когда меня сменили, он пропустил огромные — десятки и сотни миллионов долларов, которые Внешторгбанк обрушил на наш банк. Банк «Восход» же был не готов к таким объемам. У нас соотношение между собственными и заемными средствами было 1:10. Для сравнения в Лондоне в Моснарбанке 1:30–40. Это было нарушением швейцарского банковского законодательства. Все это компания во главе с Лутцем знала, но сделала вид, что все в порядке. Ю. А. Иванов же отлично знал, что советских дилеров в банке нет, но был твердо уверен, что доллар должен упасть. А в США явно играли контригру на повышение, нанося тем самым убыток Советскому Союзу.

История развивалась дальше — в Госбанк пришли два чекиста и заявили, что у них есть информация, что в «Восходе» происходит что-то неладное. Как я понял, сведения они получили из Нью-Йорка. Для проверки банка была создана комиссия под руководством одного из руководителей Внешторгбанка Альберта Родионовича Макеева. Комиссия не нашла ничего, но Макеев заявил, что он чувствует какой-то не порядок в банке. Юрий Александрович начинает звонить в ЦК, сигнализируя о якобы больших убытках Карнауха. Этого случая, видимо, он долго ждал!

Неожиданно в своем отеле в Цюрихе Макеев умирает. Его смерть оказалась для всех внезапной. Хотя он и не был здоров, вспоминают даже, что последние годы он на совещаниях правления Госбанка часто засыпал.

После этого исчезает Петерханс, работавший у нас практически с открытия банка! На некоторое время он от нас уходил, и тогда главным валютным дилером был француз Труан (переводится, кстати, «прохиндей»). В конце концов, он начал оправдывать свою фамилию, проводя хитрые операции, но наш швейцарский адвокат вовремя их раскрыл. Были еще два дилера: хитроватый итальянец Микаэли Фабрикаторе (его до этого выгнали из «Свисс банка Крпорейшн») и Уве Майер. Я неоднократно просил Иванова прислать из Москвы опытного дилера, а он, наверное, не из-за большой любви, присылал мне неопытных ребят (Баркова и Белова), даже не знающих язык! При этом председатель Внешторгбанка заявлял: «Ничего страшного, Карнаух их научит работать!» Но когда я мог это сделать?! Работал по 16 часов! Я, правда, сумел оформить специально для дилинга третий этаж здания. При этом требовал от наших сотрудников, сидевших на том же этаже, проверять каждый шаг наших местных коллег, но... Кстати, все местные дилеры сидели за одним круглым столом и не могли не видеть фокусов Петерханса. Так что наверняка был сговор!

Петерханс производил хорошее впечатление, был очень домашним, играл на флейте, женился на сотруднице банка, разведенной австрийке, они усыновили вьетнамского мальчика. Видел я и то, как он относился к делу: очень волновался, когда не мог решить даже не очень важную задачу. Постепенно мы ему стали доверять. И, оказалось, напрасно! Петерханс постоянно занимался различными комбинациями.

Макеева в Москву вернули уже препарированного местными врачами, в его теле не было многих внутренних органов и мозга. Именно они могли дать информацию: не был ли зампред банка отравлен.

Два дня Петерханс пропадал в лесу, а когда вернулся, стал сознаваться. Твердил, что он брал на себя риск только потому, что хотел сделать банку лучше. Специалисты потом говорили, что обычно за такие операции ЦРУ платит 20 миллионов долларов. Был суд, на него приехала наш юрист Галина Аполлоновна Титова. Помню, она очень удивлялась, что судья, ведущий процесс, постоянно улыбается. Петерханс легко отделался, в его действиях не была обнаружена корысть, вскоре он уехал в США. Хотя в его столе, например, следствие обнаружило симпатические чернила.

По итогам работы Петерханса оказались большие дыры в балансе банка. Причем основная часть появилась, когда я уже покинул Цюрих. Подразделение, которое курировало его работу в Москве, Петерхансу верило и не разобралось с враньем этого дилера.

Многие мои швейцарские коллеги, занимающиеся золотом, восприняли этот инцидент как удар и по их бизнесу.

Меня долго не трогали. Перед уходом в отставку в 1986 году Алхимов показал данные об убытках премьеру, и Иванов был уволен. Ведь дыры были фактически не только Петерханса, но и его! Через некоторое время новый руководитель Госбанка В. В. Деменцев решил проверить работу

Внешторгбанка и его руководителя. В результате проверки дело было передано в прокуратуру. Именно из его материалов я и узнал о многих действиях руководителей банка. Самсонова из банка сразу отозвали. У Иванова же был орден Ленина (о котором я уже рассказывал), поэтому он был не подсуден. Председателем ВТБ стал Юрий Московский.

Я долго ходил на беседы в особнячок генеральной прокуратуры недалеко от метро «Маяковская». В то же время на допросы туда ходил зять Брежнева — Ю. М. Чурбанов. Нас даже защищал один адвокат — Андрей Макаров. Руководил нашей следственной группой пожилой прокурор Громов (он участвовал еще в процессе над Берией). Для изучения вопроса Громов шесть раз съездил в Цюрих. И был очень дотошен. Например, когда Самсонов сказал, что не может найти хрустального столика, значащегося в описи, то Громов специально поехал разбираться и нашел его в кабинете руководителя, сфотографировал и восстановил справедливость!

Обвинили меня и в том, что я якобы нескольким генеральным секретарям дарил часы. Но Алхимов на допросе показал, что настольные часы приобретались банком по заказу Внешторгбанка и Карнаух даже не знал, кому они предназначаются. Тем не менее, в мое обвинительное заключение это положение было вставлено! И только Верховный суд отклонил их.

Мне предъявили претензии в том, что я установил порядок, по которому советские работники должны были отчитываться за совершенные представительские траты. Были найдены показавшиеся следователю якобы сомнительными чеки. На суд пришел бывший председатель советского Ост-Вест Хандельсбанка А. Я. Цемянский, работающий в Германии, и заявил, что никакие оправдательные документы на такие траты в Швейцарии и Германии не требуются.

Когда опрашивали Алхимова, судья спросил, есть ли у него претензии к Карнауху. И он, подумав, ответил: «Один раз он неправильно оценил динамику движения цены на золото во время Фолклендского кризиса!» Напомню — это была война Великобритании и Аргентины за острова в 1982 году.

Несмотря на все старания, дело разваливалось. Тогда в 1987 году нам, как орденосцам, предложили амнистию. Самсонов (он получил орден вместе со мной) с радостью принял предложение, а я на удивление всех, подумав пару дней, отказался. На всякий случай меня даже проверили в поликлинике — в своем ли уме.

За время своей работы в Цюрихе я заработал, продавая золото выше рыночной цены, доход более 4 миллиардов долларов. Это меня успокаивает, потому у меня совесть чиста! Даже если мной были допущены какие-то ошибки! Правда, в годовом отчете швейцарские ревизоры их почему-то не увидели.

Еще до суда Громов собирался передать дело не Верховному суду, а районному. Но ВС затребовал дело и в ходе процесса отклонил по сути большую часть обвинений.

Дело было закрыто! А Громова быстро и окончательно отправили на пенсию.

Кстати, после меня и Самсонова пару месяцев в Цюрихе работал В. В. Геращенко, начальник валютного управления Внешторгбанка, курировавшего до этого нашу работу.

Конфликт был замят — задача швейцарской стороны совпадала с нашей: не дать кризису развиваться и уменьшить его публичный резонанс. Скандал не был нужен никому — Петерханс был все-таки гражданином Швейцарии.

Кстати, ничего экстраординарного тогда не произошло. За время моей работы в Цюрихе провалы происходили у всех моих коллег. Рынок есть рынок.

Например, поучительный случай произошел еще в 1973 году с валютным директором Credit Suisse Валео Биглером. По городу поползли слухи, что у него огромные убытки — на сотни миллионов, если не на миллиард! И вдруг он приглашает нас с Гостевым в ресторан «Сан гатард», заказывает много русской водки. А на следующий день пришло сообщение, что он умер. Как позже выяснилось — застрелился. Прощальная тризна проходила в старинной кирхе, я, конечно, на нее тоже пришел. Потом Цублер мне сказал: «Вы даже не представляете, какой положительный резонанс вызвал Ваш приход в кирху. Чтобы русский, коммунист пришел в храм — у нас такого еще не было! Коллеги это оценили».

Но самое интересное, что Биглеру не грозила даже тюрьма. Только увольнение и потеря имени, но он пережить этого не мог. Кстати, когда позже главный дилер UBS попал в аналогичную ситуацию, он уехал в Женеву, организовал там свою фирму и успешно продолжал работать.

«Горел» Credit Suisse и в конце 70-х. Президент UBS открыто позвонил своему коллеге из Credit Suisse и предупредил, что в одном из филиалов в итальянской части страны происходит большое воровство и нужно срочно провести полную ревизию документов последних четырех лет. Причем предыдущие комиссии также оказались не чистыми на руки. И действительно, оказалось, что масштаб воровства исчислялся миллиардами!

Кстати, ни один из предыдущих провалов не был засвечен в печати!!! В Швейцарии на это было табу. Случай же с Credit Suisse был предан гласности. И началась паника. Так гросс-банки сложились тогда по миллиарду, предоставили коллеге кредит и тем спасли банк от разорения. Такова банковская жизнь! Иногда ты выигрываешь, иногда проигрываешь. И трагедии из этого делать не следует. И тем более таких «оргвыводов», как в СССР после сингапурского кризиса, когда руководителя отделения Вячеслава Рыжкова постановили расстрелять! Правда, потом «смилоствовали» и дали «всего» 12 лет!

После этих событий я ушел на работу в Министерство нефтеперерабатывающей промышленности. В 1988 году стали появляться новые коммерческие банки. Понадобился мой опыт — помогал создавать «Нефтехимбанк». Ни на какую серьезную должность я рассчитывать там не мог, поэтому вскоре после его учреждения ушел.

Министр радиопромышленности СССР В. И. Шимко позвонил Московскому и попросил его подобрать человека для создания банка министерства. Юрий посоветовал взять меня. Я сел за написание уставов, инструкций и другой необходимой документации. Так в октябре 1989 года появился «Промрадтехбанк», созданный ведущими предприятиями российской радиоэлектронной промышленности. Посещая акционеров от Минска до Улан-Удэ, я на предприятиях перешагивал «через части ракет и телевизоры». На ведущие должности, в частности, в бухгалтерию я взял опытных сотрудников из Госбанка. Банк быстро развивался, но через год я подал в отставку. Дело в том, что Шимко постоянно писал мне резолюции: «Выдать кредит!» Причем мне объяснял свои действия как министр: «Ну, ты пойми, если директор вернется без зарплаты — его заводчане повесят на воротах!» Я отвечал: «Я-то чем перед ними виноват. Кредит ведь он не вернет — ему просто нечем, он банкрот!»

Не выдержав объяснений, после первого успешного годового собрания, я ушел в Московский индустриальный банк первым замом. Создан он был Федором Александровичем Плескановским (возглавлявшим в советское время Московское городское управление Промстройбанка СССР) на базе этого отделения.

А что касается золота, то все это время я пытался помогать новым российским банкам выйти на рынок золота.

Никто не оспаривает тот факт, что Советский Союз на целую голову выше любого другого производителя, кроме Южной Африки. Нужно ожидать, что в течение 20 лет будет отмечен небольшой рост производства в Южной Африке. Возможно, к концу этого столетия Южная Африка и Россия будут идти голова в голову — на уровне 400–500 тонн каждая.

Тимоти Грин. «Новый мир золота», США, 1982

К сожалению, события, произошедшие на территории бывшего СССР в начале 90-х годов, приведшие к распаду могучей державы, помешали данному прогнозу сбыться. В 90-х годах заниматься золотом стало неинтересно — не было никакой координации на этом рынке. В России один банк продавал металл, другой покупал — ожесточенно конкурируя друг с другом. Никакой единой стратегии на этом рынке у страны не было. По добыче золота мы откатились на 6 место, нас перегнали и США. Большие советские запасы остались в Узбекистане, Киргизии, Армении. В настоящее время только разведанные запасы золота в Узбекистане со-

ставляют 2 100 тонн. Но квалифицированно распорядиться ими, во всяком случае в среднеазиатских республиках, не могли. Мне рассказывали удивленные швейцарские коллеги, как представители этих стран приезжали с золотом на «Мерседесах» продавать металл. Вызывало это ужасное впечатление. Не странно, что успешным этот бизнес назвать трудно.

По данным Всемирного совета по золоту (World Gold Council), запасы золота в государственном резерве России в декабре 2005 года составили 386,7 тонны, а доля золота в общем объеме золотовалютных резервов РФ — 3,5%. По этому показателю Россия занимает 14-е место в мире. (Первое по объему запасов золота в госрезерве принадлежит США — 8133,5 тонн (67,5% в общем объеме золотовалютных резервов), далее следуют Германия — 3427,8 тыс. тонн (52,4%), Международный валютный фонд — 3217,3 тонн, Франция — 2856,8 тонн (59,3%), Италия — 2451,8 тонн (59,4 %), Швейцария — 1290,1 тонн (35,2%), Япония — 765,2 тонны (1,4%), Европейский Центробанк — 719,9 тонны (22,2%), Нидерланды — 716,9 тонны (52,4%), Китай — 600 тонн (1,2%).

Руководство Центрального банка России после совещания золотодобытчиков в Магадане (ноябрь 2005 г.) заявило о намерении увеличить долю золота в ЗВР до 10 процентов.

А. Я. Кочетков. «Конъюнктура рынка золота России»,
Каталог-справочник «Горная Техника — 2006»

